

Введение

А. Н. Панов

Понятие национальной идентичности, определяющей своеобразие особенность наций-государств, не имеет единого толкования. На наш взгляд, национальная идентичность может выводиться из особенностей восприятия тем или иным народом окружающей среды и, в более широком плане окружающего мира, включая соседние государства и народы.

На основе такого восприятия формируются правила и нормы человеческого общения, культурные и религиозные ценности, оценки внешней угрозы и, соответственно, перспективы выживаемости нации и сохранения присущих только ей традиций организации системы существования управления и развития. В обобщенном виде все это представляет историческую память нации.

Соответственно, можно сделать вывод, что национальная идентичность оказывает непосредственное воздействие на формирование внешней политики и определение средств и методов их достижения.

При этом при реализации внешнеполитических задач серьезную роль играют доминирующие в той или иной исторический период культурно-религиозные ценности. Например, в Средние века в Японии это был «кодекс бусидо», в конце XIX–первой половине XX века теория о правовом превосходстве японцев над другими евразийскими народами. В России – таковыми были концепция Москва – Третий Рим», славянофильство, коммунистическая идеология.

На различных исторических этапах, через которые проходит нация, постановка задач, от решения которых зависит ее выживаемость и сохранность идентичности, может отличаться, в том числе кардинально.

Например, модернизация при Петре I или же консервация внутренних устоев, поддержание стабильности в последующее время. В Японии – закрытие страны с начала XVII века и бурная модернизация со второй половины XIX века.

На ход этих важнейших для судьбы нации процессов самое существенное воздействие оказывает национальная идентичность, которая, с одной стороны, может способствовать продвижению этих процессов, а с другой, тормозить, выхолащивая их содержание. Кроме того, от национальной идентичности или, в упрощенном определении, от национального характера, может зависеть степень радикализации этих процессов и,

как одно из следствий, определение внешнеполитического курса – агрессивного, пассивного, миролюбивого.

Национальная идентичность лежит в основе понятия цивилизации. Американский ученый Хантингтон различал русскую православную цивилизацию японскую синтоистско-буддистскую.

Каждая цивилизация в процессе исторического существования и развития идет своим самобытным путем. Вместе с тем различные цивилизации не только соприкасаются друг с другом и вступают в определенные отношения, но могут оказывать на партнера существенное воздействие. Кроме того, несмотря на фундаментальные цивилизационные различия, нации-государства, особенно в период радикальных или революционных преобразований нередко сталкиваются с аналогичными проблемами, решение которых рождает схожие результаты. Или же, напротив, приводит к прямо противоположным последствиям.

Формирование и существование российской и японской цивилизаций проходило под сильнейшим внешним воздействием со стороны других цивилизаций. Российская – под влиянием византийской, монгольской, а затем и западноевропейской, японская – китайской, в послевоенное время – американской.

Безусловно, российская и японская цивилизации кардинально отличаются. Но есть и сходные и даже совпадающие черты. Географически Россия – континентальная держава, Япония – горно-островная.

С момента возникновения российское государство вынужденно было фактически постоянно отражать нападения соседних племен, народов, государств. В результате в исторической памяти русского народа глубоко укоренилось чувство «внешней опасности».

Япония лишь дважды в XIII веке подверглась нападениям монголов, которые носили краткосрочный характер. Тем не менее, в исторической памяти японского народа страх перед иностранным вторжением сохранился на многие века.

И в России, и в Японии на протяжении многих веков общественно-социальное устройство определялось доминированием вертикальности и иерархичности в построении и управлении государством и обществом, преобладанием общинного ведения хозяйства, прежде всего, сельского, концентрацией населения в сельской местности при наличии ограниченного числа городов и городского населения.

В конце XIX века и в России, и в Японии эти особенности русской и японской цивилизаций будут серьезно препятствовать более полному принятию западной модели построения гражданского общества и капиталистической экономики.

Начиная модернизацию в конце XIX века, обе нации находились на более низкой по сравнению с Западом ступени экономического и социального развития. Россия стремилась компенсировать отставание внешней экспансии (присоединение Средней Азии, Кавказа, продвижение в Си-

биль). Япония – «внутренней» экспансией – выдавливание айну, колонизация Хоккайдо.

Сходные черты проявляются и в национальном характере народов двух стран. Среди них:

- уважение к силе;
- подозрительность, недоверие к другим нациям («заккрытие» Японии, «закрытие» СССР в годы коммунистического периода);
- стремление к единообразию и гармонии в обществе, к формированию общих интересов, к групповой организации и мышлению;
- эмоциональность, восприятие прекрасного в природе, окружающей среде.

И в Японии, и в России в целях сохранения и укрепления национальной идентичности использовалась стратегия «выделения внешнего врага». Причем в Японии «российская угроза с Севера» начала использоваться с XVII века и просуществовала почти до конца XX века. В России «японская угроза» просуществовала недолго в начале XX века, но затем активно использовалась в Советском Союзе с 30-х годов XX века и до «политики перестройки».

Стратегия «внешней угрозы» сопровождалась насаждением в общественном сознании негативного отношения не только к соседнему государству, но и к наделению его народа отрицательными человеческими качествами. Причем если в России/ Советском Союзе период «враждебности» был сравнительно кратким и концентрировался на критике японского милитаризма и жестокости японцев по отношению к другим народам, особенно в период японской интервенции на Дальнем Востоке и в период ведения агрессивной войны в Азии, то в Японии «негативизм» в России и русским культивировался почти четыре столетия.

При этом «лучшие качества» японцев противопоставлялись «худшим» чертам характера россиян. Если японскому национальному характеру приписывались такие качества, как честность, справедливость, вежливость, искренность, верность, то российскому – лживость, безрассудство, грубость, фантазерство, подозрительность, враждебность, алчность, беспринципность, коррумпированность. Вместе с тем не отрицается влияние русской культуры, особенно литературы, на японскую интеллигенцию.

В предлагаемом вниманию читателя российско-японском исследовании поставлена задача определить сходные и несовпадающие процессы исторического развития, начиная с середины XIX века, и выявить в этих процессах роль национальной идентичности.